DOI 10.24412/2658-5960-2026-55-183-216
УДК 947.083.4:614.7(571.63)

Татьяна Зиновьевна Позняк[1]
tzpoznyak@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САНИТАРНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ КРЕПОСТИ ВЛАДИВОСТОК В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМА АНТИСАНИТАРИИ И ПОПЫТКИ ЕЁ РЕШЕНИЯ

Статья посвящена деятельности санитарно-исполнительной комиссии крепости Владивосток по обследованию города и улучшению санитарной обстановки как меры предупреждения эпидемий. В РГИА ДВ выявлен уникальный информативный источник — протоколы заседаний санитарно-исполнительной комиссии в первый год Русско-японской войны и акты обследования города врачами и санитарными попечителями. Эти материалы позволяют составить детальную картину состояния дворов и улиц города, жилищ обывателей по всей его территории, а также мер, предпринятых для борьбы с антисанитарией и предупреждения эпидемий. Основными проблемами, на которых сосредоточилось внимание комиссии, были антисанитарное состояние города, и в первую очередь центральных кварталов, заселённых азиатскими мигрантами; необходимость улучшения городской ассенизации и утилизации отходов; открытие специальной лечебницы для китайцев; дефицит и плохое качество питьевой войны. Врачи, прибывшие из европейской части империи, ошеломлённые условиями жизни и быта азиатских мигрантов, требовали немедленного оздоровления городской среды. Их стремление «цивилизовать» мигрантов и местных обывателей на практике столкнулось с жестокими реалиями — привычками и нищенским образом жизни азиатских мигрантов, тихим сопротивлением домовладельцев и арендаторов, не желавших терять доходы от выгодного бизнеса — сдачи жилья в наём — и вкладывать средства в улучшение условий жизни в своих домовладениях, а также с тихим саботажем со стороны городского самоуправления из-за острого дефицита средств в городском бюджете.

Ключевые слова: повседневность, городское самоуправление, благоустройство, санитарная обстановка, санитарно-исполнительная комиссия, Русско-японская война, крепость Владивосток, китайские и корейские мигранты.

[1] Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Tatiana Z. Poznyak[2]
tzpoznyak@mail.ru

THE ACTIVITIES OF THE SANITARY EXECUTIVE COMMISSION OF THE VLADIVOSTOK FORTRESS DURING THE RUSSO-JAPANESE WAR: THE PROBLEM OF UNSANITARY CONDITIONS AND ATTEMPTS TO SOLVE IT

This article dedicated to the work of the Sanitary and Executive Commission of the Vladivostok Fortress to survey the city and improve the sanitary situation as a measure to prevent epidemics. The Russian State Historical Archives of the Far East has uncovered a unique source of information: minutes of meetings of the Sanitary and Executive Commission during the first year of the Russo-Japanese War and reports of city surveys by doctors and sanitary guardians. These materials provide a detailed picture of the condition of the city's courtyards and streets, the homes of residents throughout the city, and the measures taken to combat unsanitary conditions and prevent epidemics. The commission's primary focus was the unsanitary state of the city, particularly in the central districts populated by Asian migrants; the need to improve urban sanitation and waste disposal; the opening of a special hospital for Chinese; and the shortage and poor quality of drinking water. Doctors arriving from the European part of the empire, appalled by the living conditions of Asian migrants, demanded immediate improvements of the urban environment. Their efforts to "civilize" migrants and local residents collided with harsh realities in practice — the habits and poverty-stricken lifestyles of Asian migrants, the quiet resistance of homeowners and tenants who did not want to lose their income from the lucrative rental business and invest in improving living conditions in their homes, and the quiet sabotage of city government due to the acute shortage of funds in the city budget.
Keywords: everyday life, city government, improvement, sanitary conditions, sanitary executive commission, Russo-Japanese War, Vladivostok fortress, Chinese and Korean migrants.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема благоустройства дальневосточных городов и улучшения их санитарного состояния рассматривалась исследователями (Ланкина 2012; Позняк 2008; Щербина 2010, 2011), но выявление новых архивных источников позволяет открывать всё новые страницы истории борьбы с антисанитарными условиями жизни в городах и эпидемиями на российском Дальнем Востоке в имперское время. В Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (далее — РГИА ДВ) выявлен информативный и, можно сказать, уникальный

[2] Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

источник — материалы заседаний санитарно-исполнительной комиссии (далее — СИК) крепости Владивосток в первый год Русско-японской войны (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. 402 л.; Ф. 28. Оп. 1. Д. 622. 337 л.). Создание СИК с 1890-х гг. было обычной практикой в городах российского Дальнего Востока во время появления эпидемий в регионе или в сопредельных азиатских странах. Их деятельность изучена слабо (Позняк 2026), большинство публикаций, где так или иначе рассматривалась их работа, посвящены борьбе с эпидемиями на российском Дальнем Востоке в начале XX в. (Кобзарь 2019; Нагорных, Шок 2024; Ратманов 2008, 2022). В упомянутых архивных делах, кроме подробных протоколов заседаний, содержатся акты обследования санитарных участков г. Владивостока комиссиями из врачей и санитарных попечителей. Эти материалы позволяют составить детальную картину состояния дворов и улиц, жилищ обывателей по всей территории города, а также мер, предпринятых в годы войны для борьбы с антисанитарией и по предупреждению эпидемий.

Цель статьи — воссоздать деятельность санитарно-исполнительной комиссии кр. Владивосток по обследованию города и улучшению санитарной обстановки в нём как меры по предупреждению эпидемий в первый год Русско-японской войны.

Русско-японская война началась нападением японских миноносцев в ночь на 27 января 1904 г. на русскую эскадру, находившуюся на внешнем рейде Порт-Артура, и в этот же день в корейском порту Чемульпо подверглись атаке японской эскадры крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец». Российские дальневосточные порты оказались под угрозой вражеского нападения. 12 февраля 1904 г. японская эскадра в составе 10 кораблей подошла к о-ву Русский, но, не открыв огня, покинула залив. 22 февраля эскадра под командованием контр-адмирала Х. Камимура вошла в Уссурийский залив и подвергла прямому обстрелу строившуюся батарею в б. Соболь, форты Суворова и Линевича, Уссурийскую батарею и п-ов Басаргина. Под перекидным огнём оказалась вся долина р. Объяснения и б. Золотой Рог до западной оконечности казарм Сибирского флотского экипажа. Один человек был убит, два ранены, городу был нанесён незначительный урон. 23 февраля неприятельские корабли ещё раз входили в Уссурийский залив и прошли вдоль побережья, но город больше не обстреливали. 23 февраля крепость Владивосток была объявлена на осадном положении. На военное положение крепости Порт-Артур и Владивосток перевели 12 января 1904 г., ещё до начала войны, в связи с нараставшей угрозой со стороны Японии (История 1991: 295, 300; Авилов, Аюшин, Калинин 2013: 222—223, 237). Гарнизон второй из них к марту 1904 г. составлял 17 тыс. чел., а к маю 1905 г. был увеличен до 52 тыс. (История 1991: 295—300). История строительства оборонительных укреплений, усиления гарнизона и положения дел в крепости накануне

и в годы Русско-японской войны исследована весьма обстоятельно (Авилов, Аюшин, Калинин 2013: 209—285).

Дальневосточные города, в первую очередь Владивосток и Никольск-Уссурийский, стали прифронтовыми, здесь были размещены госпитали для лечения раненых и больных воинов, прибывавших с театра военных действий. В г. Никольск-Уссурийский были перемещены из Владивостока часть гражданских административных учреждений. В Забайкальскую область переехала большая часть учебных заведений, включая Восточный институт. Острое восприятие опасности эпидемий на Дальнем Востоке было вызвано тем, что по региону в 1902 г. прокатилась холера, вызвавшая значительные траты средств из бюджетов дальневосточных городов, а в 1903 г. в сопредельных азиатских странах объявлялись угрозы её нового появления (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 317. 775 л.; Д. 345. 592 л.).

На совещании 19 марта 1904 г. была признана острая необходимость приведения Владивостока «в должное санитарное состояние», и по приказу коменданта крепости Д.Н. Воронца была создана СИК. Её председателем был назначен командующий 8-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор Л.К. Артамонов[3], а в состав вошли начальник Отдельного корпуса жандармов Уссурийской железной дороги полковник Н.И. Лосев, комендантский штаб-офицер подполковник М.Г. фон Риттергольм, городской голова В.А. Панов, члены городской управы В.Е. Филипченко, М.Н. Красовский, главный доктор морского госпиталя А.Д. Рончевский, капитан над Владивостокским коммерческим портом подполковник Э.Г. Егерман, полицмейстер В.И. Андреев, старший помощник командира порта полковник В.П. Ломан, военно-санитарный инспектор Владивостокской крепости Леонов, и.д. дивизионного врача 8-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии В.П. Шестакович. Обязанности делопроизводителя исполнял городской санитарный врач А.А. Волкенштейн (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 113, 127). На заседаниях присутствовали врачи и санитарные попечители, иногда — иностранные коммерческие агенты и представители ведомств. В июне 1904 г. состав СИК был пополнен полковником П.К. Ставицким, старшим контролёром крепости М.Н. Соловьёвым, старшим врачом Уссурийской железной дороги В.Н. Ланковским, мировым судьёй Н.И. Достоваловым и директором Русско-китайского банка А.А. Масленниковым (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 310).

[3] Ни в одном из протоколов не указаны имя и отчество Артамонова, но указана должность (как, впрочем, и у большинства врачей и членов комиссии, инициалы пришлось восстанавливать по Памятным книжкам Приморской области за 1903 и 1905 гг.). Благодаря Р.С. Авилову, по должности удалось установить личность Леонида Константиновича Артамонова, биография которого изложена в капитальном исследовании по истории Владивостокской крепости, см.: (Авилов, Аюшин, Калинин 2013: 332—337).

3 апреля 1904 г. на первом организационном заседании город был разбит на 15 участков, на которые предполагалось назначить врачей и санитарных попечителей, земли ведомств разделили на 9 участков с назначением военных и железнодорожных врачей. Никаких финансовых средств на работу комиссии комендантом крепости отпущено не было, видимо, предполагалось, что расходы понесёт городское общественное управление (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 113—116; Ф. 28. Оп. 1. Д. 622. Л. 79—79 об.).

На этом же заседании СИК потребовала от города увеличения ассенизационного обоза до 200 телег. Однако в связи с объявлением крепости на осадном положении и выводом из неё гражданских административных учреждений, учебных заведений, отъездом многих городских жителей и уменьшением числа торгово-промышленных заведений доходы города сократились, и ему не хватало средств даже на самые насущные нужды. 5 апреля 1904 г. городская дума, заслушав сообщение городского головы о требовании СИК увеличить обоз, на что потребовалось бы до 20 тыс. руб., постановила отпустить на эти цели 4000 руб. «за неимением других средств», поручить городской управе пригласить необходимое число санитарных попечителей и принять на счёт города расходы по разъездам врачей по городским участкам (Систематический сборник 1913: 557). 6 апреля санитарными попечителями было избрано 52 чел., в результате на каждый из 15 участков пришлось не менее двух, а во многих — по 3 и 4 чел. (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 113). Кроме того, был определён порядок работы отдельных частей санитарной организации: в каждом из участков врач и санитарные попечители составляли «малую участковую комиссию» (или «субкомиссию»); члены её уславливались о порядке своих действий, если на участке обыватель не исполнял указания субкомиссии или грубо относился к её членам, она доводила это до сведения СИК. Последняя должна была рассматривать все заявления, делать постановления, вести журналы заседаний и печатать их в достаточном количестве, чтобы их получал каждый член комиссии, общественные учреждения и «высшие власти города и края с обязательной посылкой министру внутренних дел» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 113).

На втором заседании 7 апреля СИК решила руководствоваться в своих действиях Высочайшим повелением от 18 июля 1892 г., опубликованным в Собрании узаконений и распоряжений правительства за № 76 от 31 июля 1892 г. Этим повелением начальникам областей и губерний Сибири было предоставлено право издавать обязательные постановления, необходимые для борьбы с эпидемиями и охраны общественного порядка, и подвергать виновных в нарушении данных постановлений денежным взысканиям до 500 руб. или аресту до трёх месяцев (Собрание 1892: 1917).

Основной задачей комиссии было улучшение санитарного состояния города и недопущение эпидемий среди войск и гражданского населения

(РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 117). Её членам пришлось решать такие проблемы, как антисанитарное состояние городских улиц и площадей, торгово-промышленных предприятий, свалки нечистот; открытие специальной лечебницы для китайцев; нехватка и плохое качество питьевой воды; борьба с венерическими болезнями и воссоздание врачебно-санитарного надзора за проституцией[4]. Особой заботой СИК стало оздоровление центральных кварталов города, населённых азиатскими мигрантами. Обсуждение этих проблем было весьма ожесточённым, мнения участников часто не совпадали, основное противостояние наблюдалось между двумя группами: в первую входили председатель, представители разных ведомств и врачи, во вторую — их оппоненты, представители городского общественного управления. Последние отвергали большинство претензий в адрес городского самоуправления и указывали на невозможность осуществления большинства мероприятий по причине их несоответствия законам и отсутствия финансов.

В городе «высадился большой десант врачей», прибывших для работы в войсках и в расквартированных в городе госпиталях. В свободное от основной работы время эти врачи занялись обследованием города и выработкой санитарных мер по его очистке. Именно благодаря их деятельности мы имеем прекрасное описание состояния дворовых участков и многих жилых построек весны — лета 1904 г. Врачи были поражены антисанитарными условиям жизни азиатского населения Владивостока.

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ УЛУЧШЕНИЯ САНИТАРНОГО СОСТОЯНИЯ ГОРОДА

Самой сложной и бурно обсуждаемой членами СИК стала проблема улучшения санитарного состояния города, решение которой предполагало ряд взаимосвязанных мер: 1) благоустройство и уборка улиц, площадей, дворовых участков (уборка мусора и навоза, подметание и поливка улиц, очистка и исправление канав и др.); 2) улучшение условий жизни азиатского населения — приведение к санитарным нормам количества проживающих в домах китайцев, улучшение санитарного состояния жилья вплоть до сноса непригодных для жизни построек; чистка дворов и строений от мусора и нечистот, надлежащее устройство отхожих мест, выгребов и пр., вплоть до отвода места для инородческого посёлка и переселение туда большей части мигрантов; 3) решение проблемы нечистот и их свалки, загрязнения воды б. Золотой Рог и свалочного места в Куперовской пади. Борьба за улучшение санитарного состояния города не была самоцелью, а рассматривалась как средство предотвращения эпидемий среди войск и гражданского населения.

[4] Эта проблема в данной статье рассматриваться не будет.

Основной претензией врачей и военных к городской управе были антисанитарное состояние и плохая очистка дворов, улиц, площадей и прочих территорий. Председатель СИК генерал-майор Л.К. Артамонов требовал масштабных мероприятий по очистке города, упирая на острую необходимость в военное время защиты города и войск от возможных эпидемий. Городской голова В.А. Панов не соглашался с критикой, указывал на отсутствие у города средств и невозможность провести предлагаемые мероприятия из-за их несоответствия требованиям законодательства и Городового положения. Он, в частности, сказал, что «городские средства определяются на общегородские потребности и отдельные личности не могут претендовать на них, город имеет обоз, и обывателю предоставляется право пользоваться им за плату равномерно расходу» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 113 об.).

Исполнение требования председателя об увеличении городского обоза до 200 телег затянулось из-за отсутствия чётких указаний комиссии, какие и сколько бочек закупать, а также невозможности города отпустить на увеличение обоза больше 4000 руб. (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 252; Систематический сборник 1913: 557). 7 апреля городской голова, обрисовав финансовое положение, убеждал членов СИК в невозможности производить очистку за счёт городского самоуправления: «Город имеет 56 тыс. рублей в Русско-Китайском банке и около 60 тыс. руб. в Государственном, кроме того, около 260 тыс. руб. в векселях, которые не могут быть реализованы в настоящее время и будут считаться деньгами только после окончания войны. Самая крупная доля расходов города — 7/8 — падает на обязательные или постоянные расходы: содержание полиции — 25—26 тыс., пожарной команды — 25 тыс., администрации — 60 тыс., улицы — 50 тыс., больницы — 130 тыс., школы — 50 тыс... Ввиду того что доходы в настоящее время почти не поступают, в смете постоянный недобор. За текущий год город будет иметь не менее 200 тыс. дефицита, что поглотит все специальные и запасной капитал... Комиссия должна произвести очистку за счёт средств обывателей, а не на городские средства. Город сослужил недавно большую службу государству, отразив холерную эпидемию на свои средства, потратив на эти нужды 60 тыс. руб. Расходы эти нам не возмещены, справедливо ли возлагать на город то, что требуется на гарнизон и для судов. Гарнизона здесь втрое больше[,] чем обывателей» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 116—116 об.).

Только 29 апреля СИК согласовала тип ассенизационного обоза и решение о закупке 17 железных и 10 деревянных бочек: первых по цене 120 руб. за штуку, вторых — 45 руб. (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 252). В итоге обоз заработал интенсивнее, но от обывателей продолжали поступать жалобы на долгое ожидание его приезда, городская управа и врачи объясняли это выросшим спросом из-за требований по очистке участков, невозможности быстро вывезти копившиеся годами залежи

мусора и нечистот. Загруженность «ассенизационного обоза была огромной, в течение всего дня он постоянно двигался по Светланской» улице и издавал ужасный запах; устранить движение обоза по Светланской было невозможно, поскольку это была «единственная улица без крутых подъёмов, а на параллельные ей Прудовую и Ботаническую лошади не в силах были вывозить наполненные бочки». 19 июля 1904 г. СИК постановила уменьшить зловоние тщательным засыпанием известью выгребов и ретирадных ящиков за полдня до очистки, а также самих вывозных ящиков и бочек (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 331).

Самые бурные протесты городского головы и представителей управы вызвало предложение председателя создать в городе «артель подметальщиков» по примеру европейских стран: «Мне приходилось бывать во многих европейских и колониальных европейских городах[,] и в них видишь всегда на улицах изумительную чистоту, а ларчик открывается просто: нечистоты, мусор, загрязняющие улицу, убираются целый день. Есть метельщики, которые в течение дня собирают всё, что подлежит уборке[,] и складывают в особые мусорные ящики, стоящие в назначенных местах. Затем, видел я, как производится уборка улиц в Кёльне: в 4 часа утра появились 40—50 женщин в сереньких платьях с мётлами, а работники везли нечто вроде пожарной кишки, соединяющееся с источником воды, поливали не только улицы, но даже стены нижних этажей домов, потому что на них садится пыль. Затем метельщицы сметали тротуары и улицы, а при помощи совков и корзин складывали увлажнённый мусор в особые ящики; почти вслед за метельщицами является городской обоз, забирающий ящики, на место которых ставятся пустые. Конечно, там больше движение народа и экипажей, запряжённых животными, там чаще приходится убираться. Применяясь к такому способу, мы имеем 24 уборщика, есть 16-ть бочек. Пустим сперва по улицам бочки, за ними работают уборщики, а всю работу должно закончить к 6 часам утра, т.е. ко времени, когда начинается оживлённое движение по улицам» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 226—226 об.). Подметание было возможно только замощённой части города — Светланской и Алеутской улиц, остальные председатель считал необходимым «ровнять, трамбовать, макадамизировать» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 224 об.).

Однако артель не создали, поскольку В.А. Панов категорически настаивал, что её организация, во-первых, требует огромных средств, которых у города нет, а городской обыватель откажется платить, во-вторых, не соответствует Городовому положению, по которому благоустройство улиц, тротуаров и дворов составляет натуральную повинность горожан. Кроме того, он подчёркивал, что неудовлетворительное исполнение горожанами их обязанностей — прямое следствие плохого полицейского надзора, а также несвоевременного и ненадлежащего привлечения к ответственности нарушителей (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1.

Д. 360. Л. 255—256 об.). Л.К. Артамонов хотя и признал, что «с артелью существуют юридические коллизии — её клиентом может быть только подавший заявление о согласии пользоваться её услугами, без такого заявления возникнет масса юридических коллизий, совершенно безнадёжных для СИК при возбуждении ею гражданских исков за работы артели», но всё же настаивал на её организации. Его предложение 3 мая СИК приняла, но городской голова остался при особом мнении и заявил, что это будет не городская артель, а СИК, и что принятая формулировка в такой редакции незаконна, поскольку «нельзя никого насильственно заставить прибегать к услугам артели» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 257, 258 об.). Артель не была создана, и очистка города продолжалась силами владельцев участков, но благодаря настойчивости врачей и попечителей многие территории в городе существенно улучшили своё санитарное состояние.

Для борьбы с пылью СИК решила расширить поливку улиц. В.А. Панов сообщил, что у города для этой цели имелось 16 бочек, поливались только две улицы — «Светланская от Морского собрания до бухты и Алеутская со стороны вокзала до Светланской» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 224—224 об.). Член управы М.И. Красовский пояснил, что согласно обязательным постановлениям думы поливка, как и очистка дворов и улиц, должна производиться домовладельцами, но поскольку город для удобства одновременной поливки взял эту обязанность на себя, то с домохозяев взимается плата по окончании поливного сезона. Городской голова дополнил, что городское самоуправление «устроило обоз и требует за его работу деньги, а обыватель очень охотно просит поливки и весьма неохотно расплачивается...» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 224 об. — 225).

На заседаниях СИК были представлены разные проекты по улучшению поливки улиц, но от большинства из них пришлось отказаться. Председатель отклонил предложение доктора Евензона привлечь для этого городской пожарный обоз, поскольку при возможной бомбардировке он должен быть всегда готов исполнять свои непосредственные обязанности. Прокладка труб и сооружение резервуаров были признаны дорогостоящей затеей. Против использования для поливки современной пожарной машины возражали городские власти ввиду нерентабельности: для её передвижения требовался уголь, 20 человек и для котлов машины большое количество пресной воды, кроме того, при эксплуатации котлы могут перегореть, а шланги испортиться (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 226—228 об.). В итоге согласились с предложением Э.Г. Егермана использовать пожарную машину, стоящую на одном месте, и брандспойт для поливки части Светланской улицы. 21 апреля 1904 г. Владивостокская городская дума постановила: «Машины для непосредственной поливки улиц не передавать, но предоставить одну машину в распоряжение комиссии для передачи

воды из бухты в бочки обоза для поливки улиц. Расходы по содержанию и действию машины принять на счёт города» (Систематический сборник 1913: 601; РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 228 об.). 29 апреля городской голова доложил о первом опыте поливки улиц: «Машина при давлении 80 ф. и подъёме воды на Светланской улице поливает шлангом 100 саж. в одну сторону и 100 саж. в другую. При 120 фунтах давления при такой высоте есть опасение, что шланги могут лопнуть… Поливка началась три дня назад при 16-ти бочках. Верхние улицы за отсутствием бочек не поливают, но сегодня, хотя дул ветер, пыли на Светланской не было» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 252).

ПРОБЛЕМА ГОРОДСКИХ СВАЛОК И ВЫВОЗА МУСОРА И НЕЧИСТОТ

В 1880-х гг. во Владивостоке места для свалки нечистот были отведены с западной стороны у берега Амурского залива на мысе Куперовской пади, откуда мусор и нечистоты уносились «в море сами собою при дующих южных ветрах во всё лето, и это место город находит самым удобнейшим… Зимою нечистоты сваливаются на лёд Амурского залива против Семёновского покоса, которые вместе со льдом и уносятся в море, с восточной же стороны отведено место для этой надобности за первым перевалом в овраге, ведущем в бухту Улисс» (РГИА ДВ. Ф. 89. Оп. 2. Д. 629. Л. 6—6 об.). Городской управой, санитарными попечителями и врачами постоянно фиксировались нарушения правил свалки мусора: обыватели выбрасывали его в овраги и на склоны прилегающих сопок, не изменилось положение и в начале XX в. (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 350. Л. 1—2).

После решения об отводе места в Куперовской пади для «инородческого посёлка» членами СИК в ходе осмотров было установлено ужасающее состояние свалочных мест. М.Н. Соловьёв доложил, что участок у лесопилки Кларксона, где расположено городское свалочное место, совершенно неблагоустроен и находится близко к предполагаемому кварталу инородцев. Оно непригодно ни как новое место для ассенизационного обоза, ни для построек вообще, поскольку завалено навозом, шаланды для принятия и отвоза нечистот неудовлетворительные, часть бочек опорожняется прямо у берега, дорога шириной в 3—5 саженей лишь в одном месте уширяется до 8. «Вся земля представляет собой глубокий слой навоза сажени в 2—3, этот навоз поливается жидкими извержениями, получается крайняя степень загрязнения и зловония» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 292 об.).

В 1904 г., помимо указанных свалочных мест, также использовались стоявшие у городской пристани в Золотом Роге баржи, на которые свозили нечистоты и вывозили в бухту за боны около мыса Чуркин.

19 января 1904 г. город, кроме западной его части, где очистку осуществлял городской ассенизационный обоз, взял на себя очистку и восточной части по такой же схеме, закупив баржи для свалки нечистот и поставив их в бухте около Гайдамакской пристани (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 331; Систематический сборник 1913: 556—557).

На заседаниях СИК вопрос о существовании неконтролируемых свалок и загрязнении б. Золотой Рог стал одним из горячо обсуждаемых. 24 апреля разгорелся спор между представителями городского самоуправления и морского ведомства по поводу спуска в бухту нечистот морского госпиталя. Член управы М.Н. Красовский заявил, что «осматривая ассенизационные баржи, убедился, что морское ведомство спускает нечистоты по трубам в бухту, а городу предъявляют иные требования». Главный доктор морского госпиталя А.Д. Рончевский отверг это обвинение: «Наш Морской госпиталь представляет единственное учреждение во Владивостоке, имеющее канализацию[,] и нечистоты попадают в бухту, пройдя ряд фильтрующих колодцев, особенно тщательно обеззараживаются нечистоты из заразного отделения» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 238 об.). Кроме того, нечистоты в бухту спускали суда Тихоокеанской эскадры, и управа требовала, чтобы для выброса нечистот они также каждый раз выходили за боны. Я.П. Полетика согласился с ним, что несправедливо, когда к городу и морскому ведомству предъявляются неодинаковые требования. Однако А.А. Волкеншейн заметил, что на практике китайцы — рабочие на баржах постоянно нарушали режим свалки: «Мне по многочисленным справкам известно, что за бон баржи вывозят в виде исключения, в решающем же большинстве случаев нечистоты спускают из барж в бухту» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 238). По словам доктора Белкина, ночью в район около 30-го полка корейцами вывозилась масса нечистот для удобрения огородов, но поскольку последние расположены по склону сопки, то, стекая вниз, они загрязняют р. Объяснения и находящиеся здесь колодцы.

24 и 29 апреля 1904 г. комиссия обсуждала вопрос необходимости сооружения мусоросжигательной печи. Городской архитектор И.П. Колупаев представил свой проект её строительства в Куперовской пади на базе не функционировавшего кирпичного завода с использованием его трубы, что существенно удешевляло устройство. Стоимость печи составляла около 7—8 тыс. руб., и до войны городское управление предполагало, что её энергия будет использована для городского трамвая и освещения, но война задержала осуществление этой идеи. Проект не оценивали специалисты, и прежде представления его в думу необходимо было получить заключение местного технического общества. Городской голова возражал против требования председателя ускорить устройство сжигательной печи, настаивая на необходимости оценки проекта. СИК единогласно приняла предложение председателя ускорить его прохождение через техническое общество, после чего управе следовало приступить

к выполнению (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 240, 250). Однако через месяц выяснилось, что техническое общество ввиду отъезда большинства членов прекратило свои действия, и председатель потребовал от городского архитектора передать проект в управу и приступить к его реализации, которая была осуществлена только после войны.

При осмотре участков врачи выяснили, что одним из источников загрязнения городских канав и вод залива являлись благоустроенные кирпичные здания богатейших людей города. При осмотрах домовладений И.И. Галецкого и В.П. Бабинцева, которым принадлежали участки на углу Светланской и Алеутской улиц, вскрылось, что из устроенных в зданиях туалетов нечистоты выводились в городскую дренажную канаву, предназначенную для дождевых вод. Члены СИК согласились с председателем, предложившим потребовать от этих домовладельцев уничтожить стоки нечистот в городскую канаву в семидневный срок, пригрозив, что в случае неисполнения они будут подвергнуты не штрафам, а тюремному заключению. 27 мая обоих владельцев всё же решили оштрафовать на 300 руб. каждого (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 261 об. — 262, 267, 277, 282). 7 июня 1904 г. выяснилось, что в доме Г.Е. Штейнбаха, «щеголяющем внешней чистотой; по собственному признанию домовладельца, производится недозволенный спуск помойной жидкости через глубоко заложенную дренажную трубу прямым путём в противоположную часть бухты. Крупные же отбросы отделяются при помощи частой железной стенки наверху колодца и вывозятся будто бы особо. Между тем разрешение на устройство этого колодца дано лишь для спуска сточных вод». Некоторые попечители заявили, что таким же образом устроены дома Смита, Семёнова и Пьянкова (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 297—297 об.).

ОСМОТРЫ СУБКОМИССИЯМИ ГОРОДСКИХ САНИТАРНЫХ УЧАСТКОВ И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ

К середине апреля субкомиссии из врачей и санитарных попечителей осмотрели центральные кварталы, заселённые преимущественно китайцами; осмотры всех участков завершились к концу апреля. После этого врачи периодически проверяли, как исполнялись жителями их рекомендации. Большинство врачей, прибывших в крепость из европейской части империи, сходились во мнении об ужасающих условиях жизни китайцев и необходимости домовладельцам и арендаторам привести в порядок свои участки: дома и дворы почистить, часть жильцов расселить, соорудить отхожие места, выгребные ямы, установить мусорные ящики. Дома, которые, по мнению врачей, улучшить было невозможно, следовало снести. В связи с большим объёмом сведений остановимся лишь на некоторых оценках и предложениях врачей.

На очередном заседании СИК 15 апреля 1904 г. был заслушан отчёт доктора Хажинского 2-го, осматривавшего 3-й участок[5]. Он описал внутреннее устройство и состояние жилья в домах, где жили китайцы: «Это тесный коробок, имеющий чердачное отверстие, ведущее на нары, так что в первой комнате получается нечто вроде 2-й комнаты, причём до нар, представляющих потолок 1-й и пол 2-й[,] можно достать руками[,] и всё это битком набито живущими и спящими вплотную друг к другу». Единственный способ исправить дело он видел в закрытии таких домов и выселении всех жильцов, «потому что, если удалить только часть, то оставшиеся всё-таки будут жить в отвратительных условиях, так как дома загрязнены до такой степени, что негодны для жилья». Основное затруднение в улучшении их санитарного состояния заключалось в том, что при обходах невозможно было найти домовладельцев: «Кто они и где их разыскивать — не добьёшься. В доме Ивановых (по Пекинской) с несколькими китайскими харчевнями нас сопровождал какой-то китаец, довольно хорошо говорящий по-русски, и обещал сделать указанные ему исправления; но исполнит ли, не знаю. В доме Купера, самом ужасающем, около нас собралась толпа, в которой несколько человек изъявили согласие на наши требования, но когда я хотел добиться, кто же именно возьмётся за дело, то так и не удалось, а китайцы по одному разошлись» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 217 об.).

По предложению председателя было решено отпечатать обязательные постановления по санитарной части и ознакомить с ними население, а пока просто предупредить об обходах и их цели. Китайского коммерческого агента Ли Тьяо он попросил сообщить китайцам, что врачи делают обходы для их же пользы. СИК постановила также написать и перевести на китайский язык специальную инструкцию (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 217 об.).

Детальное описание, сделанное врачом К. Деслером, осматривавшим с попечителем З.Я. Водовозовым вторую половину 2-го участка между ул. Светланской, Семёновской, Китайской и Алеутской, необходимо привести полностью, поскольку это был один из центральных кварталов, заселённый преимущественно китайцами. С одной стороны, оно прекрасно иллюстрирует состояние центра города, с другой — показывает, что представляли собой описания врачей. По словам К. Деслера, этот «довольно обширный квадрат разделяется Пекинской улицей[6] на две почти равные части, застроенные домами[,] и в поперечном направлении перерезывается железной дорогой, участок является

[5] 3-й участок был ограничен улицами от Семёновской до Фонтанной и от Китайской до Корейской. Одну половину осматривал доктор Хажинский 1-й, вторую — Хажинский 2-й. Удалось установить их имена и отчества: первый — Дмитрий Харитонович, лекарь сводного госпиталя № 2, второй — Пётр Харитонович, младший врач 31-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (Памятная книжка 1905: 29, 33).

[6] В настоящее время — ул. Адмирала Фокина.

неровным[,] возвышенным[,] и самая высокая часть [—] Пекинская улица, от которой в три стороны местность понижается, а в четвёртой в сторону Амурского залива сохраняет одну и ту же высоту… Улицы участка расположены правильно, содержатся сравнительно чисто[,] и половина вымощена булыжником. Небольшие участки мостовой требуют ремонта, особенно следовало бы ремонтировать мостовую на Пекинской улице против дома Феклиной. Городская канава для уличных стоков устроена надлежащим образом только на восточной стороне улиц, другие же стороны их или снабжены плохими стоками, без правильной организации[,] или же в большинстве случаев являются возникшими самопроизвольно. Городских колодцев на участке нет. Из частных колодцев пригодными для питья можно назвать только два, один в доме Галецкого по Светланской улице и другой в доме Шевелева на Семёновской, вода остальных трёх колодцев на участке в пищу не употребляется и служит только для других хозяйственных надобностей. Дома и прочие строения на участке преимущественно принадлежат Городской управе и русским владельцам. За исключением участка, занятого под будущий госпиталь Красного Креста, все они сдаются в аренду китайцам. Домов, принадлежащих китайским владельцам[,] немного, японцам же принадлежали только два дома, один из них на Семёновской улице забит, дом же Сигиура на Пекинской улице арендуется китайцами. Всего дворов на участке около 35-ти. Населён участок преимущественно китайцами, (численность населения в нём мало поддаётся исчислению), так что участок вполне может быть назван китайским кварталом, представляющим собой как бы общую гостиницу или постоялый двор в обширном размере, в котором количественный состав жильцов постоянно меняется.

В каждый данный момент на любом китайском дворовом участке можно застать от 50 до 100 и более человек. Дворы домов, отданных управой Обществу Красного Креста, и дворы русских владельцев на Семёновской улице являются в санитарном отношении наиболее сносными, дворы же китайских владельцев и их арендные участки представляют в этом отношении совершенно иную картину. Каждый китайский двор сплошь застроен различного рода деревянными постройками, ютящимися около каменных стен зданий и скрывающими в недрах своих невероятное количество грязи; кроме того[,] китайцы питают большую склонность к перегородкам и заборчикам. Деля при помощи их общий двор на массу отдельных участков-двориков. Каждый двор, кроме этих заграждений, занимающих почти всю площадь его, завален ящиками и тюками с товарами, а каждый отдельный дворик сплошь занят различным скарбом и хламом его собственника. Таким образом, вся земляная площадь любого китайского двора почти совершенно лишена естественной вентиляции. Мало того, в большинстве случаев отдельные дворики общего двора снабжены отхожим местом, мусорным ящиком и ведром

с помоями. Общие же отхожие места и погреба[7] устроены обыкновенно кое-как на скорую руку, загрязнены снаружи, переполнены и не дезинфицируются. Помойные ямы устроены почти везде стационарно при помощи оцементованной кирпичной или каменной клади, подземными частями и крышками в большинстве случаев не снабжены, как явление постоянное — переполнены, не дезинфицируются и на далёкое расстояние заявляют о себе зловонием. Во многих домах помойные ямы посредственно или непосредственно сообщаются с городскими стоками, примером таких „сообщений“ может служить выгреб в доме Ка-Чана на Пекинской улице, устроенный возле каменной стены соседнего дома и пропускавший через щели её на соседний двор зловонную жижу, которой владелец сосед дал сток на участок будущего госпиталя Красного Креста. Сточные дворовые канавы устроены из дерева или кирпича и мало где достаточно прикрыты от загрязнения мусором, в иных же местах китайцы-жильцы пользуются ими как помойными ямами, углубляя их в почву и заваливая отбросами. Хорошо устроенных мусорных ящиков в участке вовсе нет, мусор сваливается куда-нибудь в укромное место к стене или к забору, в лучшем же случае в обыкновенных неосмолённых ящиках из-под товара, в старых бочках и прочего рода, мало приспособленных для этой цели, резервуарах. Число этих ящиков на каждом дворе часто доходит до пяти или более.

Водой участок снабжается отчасти с 1-й Речки перевозкою в довольно плохих, мало соответствующих своему назначению бочках, или же вода доставляется из ближайших городских водоёмов переноскою в вёдрах. Снабжение водой участка недостаточно и присутствие городского водоёма в данном месте было бы не лишним, а наоборот весьма желательным для населения и необходимым в санитарном отношении. На дворе госпиталя Красного Креста в настоящее время устраивается колодезь, обещающий дать, по-видимому, значительное количество воды, но расход воды в госпитале[,] вероятно[,] не допустит частного пользования, а потому возникновение этого колодца не исключает необходимости в городском водоснабжении жителей китайского квартала, не могущих по крайней бедности покупать воду из запертых на замок колодцев частных владельцев, а также и пользоваться ею в достаточном количестве за дальностью расстояния из городских водоёмов.

Дома участка заняты почти исключительно китайским, крайне скученным, бедным и весьма неопрятным населением. Нижние этажи домов обыкновенно отдаются под торговые помещения, верхние же этажи и чердаки являются или казармами для рабочих-китайцев или же служат помещениями для опийных домов. Казарм, в которых не производится[,] по-видимому[,] курения и продажи опия, всего две, одна на Семёновской улице в доме Тун-ли, а другая на Пекинской улице

[7] Вероятно, имеются в виду выгреба (выгребные или помойные ямы).

в доме Сигиура; последняя казарма, кстати сказать, представляется наиболее устроенной и принадлежала ранее японцам, китайские же казармы устроены в большинстве случаев крайне плохо, все они сохраняют один и тот же план, занимают обыкновенно весь второй этаж здания и чердачное помещение; казармы принадлежат или одному[,] или нескольким хозяевам по частям. Средняя часть казарменного помещения остаётся в большинстве случаев свободной, по стенам же устроены общие нары, снабжённые циновками, верхние части стен заняты или полками для вещей[,] или же вторым ярусом нар, в массе случаев совершенно лишённых света. Двуярусная нарная система является преобладающей и особенно в опийных домах, служащих вместе с тем и ночлежными приютами. Остальные части китайского дома и помещения на внутреннем дворе его занимаются отдельными квартирантами-китайцами и носят разнообразный характер в градациях от действительно жилого помещения, до клети или чулана, приспособленного для жилья разве только тем, что в середине такого жилья поставлен очаг-чан, служащий квартиранту одновременно и для приготовления пищи[,] и для нагревания помещения тлеющими в этом чану углями. В участке есть много квартир с печами, лишёнными труб. Стены, потолок и мебель в таких квартирах совершенно зачернены дымом и вместе с существующей здесь грязью производят своим видом крайне неприятное впечатление. Независимо от зачернения помещений дымом, грязь и неряшливость в них достигает иногда колоссальных размеров: пол не моется годами, пространства под нарами завалены хозяйственным скарбом и отбросами, всё это прикрыто от посторонних глаз занавесками, не допускающими проветривания и доступа света. Так обрисовывается общая картина антисанитарного состояния китайского квартала, в частности же обращают на себя внимание полнейшим пренебрежением обязательных санитарных постановлений городской думы на Пекинской улице дом Ка-Чана[8], Феклиной, Ван-Пен-Лина и на Алеутской улице дом Ка-Чана за № 29 и Цей-Фу-Хе за № 36» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 359—360). Далее он детально описал харчевни, опиекурильни и банковки в домах Ка-Чана и Феклиной.

Для исправления ситуации на участке К. Декслер предложил следующие меры: «1. При осмотре улиц обнаружилась необходимость: а) привести в надлежащий порядок мостовые; б) устроить уличные стоки с обеих сторон их; в) заняться очисткой и поливкой улиц. 2. Говоря о санитарном состоянии дворов, следует признать необходимым: а) снос лишних деревянных пристроек и особенно перегородок и заборов, делящих двор на мелкие участки, скрывающие за собой невероятное количество грязи и хлама; б) убрать со двора склады товаров, пустых ящиков

[8] Китайский купец, домовладелец, в источниках фигурирует также как Катчан. Все китайские фамилии и имена приведены согласно источнику.

и старого строительного материала, предоставив площадь двора свободному проветриванию и свету; в) требовать рационального устройства на каждом дворе мусорного ящика, не дозволяя складывать мусор в отдельные, не приспособленные для этой цели ящики, кадки и прочего рода резервуары; г) привести в порядок и осмолить помойные выгреба и отхожие места, а где нужно озаботиться устройством новых; д) наблюдать за правильной и своевременной очисткой выгребов. 3. а) Торговые помещения обходить по возможности часто, побуждая владельцев их содержать лавки в чистоте и опрятности. б) Казармы рабочих и частные квартиры подвергнуть тщательному санитарному осмотру и установить число людей, могущее без особого вреда помещаться в каждой данной квартире. Объявляя наибольшее число жильцов хозяину квартиры, требовать от него[,] насколько это представится возможным[,] придерживаться указанной нормы» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 360—361). Он также отметил, что указал владельцам домов и частных квартир на необходимые санитарные мероприятия и снабдил их письменным извещением об этом. При вторичном обходе заметил некоторое санитарное улучшение участка, назначил неисправным владельцам вторичные сроки для исправления ситуации, торговые же помещения и частные квартиры остались без улучшений и потому необходимо принятие «более энергичных мер» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 361).

22 апреля 1904 г. комиссия продолжила слушать отчёты врачей, осматривавших участки с 7-го по 15-й, и в этой части города они отметили антисанитарное состояние дворов, ужасающую скученность в жилищах китайцев, полное отсутствие или переполненность отхожих мест, выгребов, мусорных ящиков, отсутствие канав или их непригодное состояние, плохое качество воды в колодцах и её нехватку и т.п. Однако на каждом из участков были и исключения — арендованные дома или находившиеся во владении китайцев, содержавшиеся в чистоте, хорошо вентилируемые, где соблюдались нормы заселённости. К таким относятся дом китайского купца Тун-ли, китайские квартиры в доме Красильникова по Мальцевской улице, помещение водоносов, живущих на 2-й Портовой улице (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 229).

После докладов врачей председатель резюмировал, что положение центральной части города «безрадостное, но прежде чем прибегать к радикальным мерам, необходимо дать домохозяевам 3—4 дня на очистку». Он попросил передать доклады делопроизводителю, чтобы комиссия, обобщив их, предложила меры «может быть[,] драконовские»: «...возможно, что решим снести целые кварталы, но предварительно надо испробовать мирные способы, и увидим, чего удастся достигнуть до применения крайних мер. Наши молодые врачи, служившие в России, поражаются тем, что встретили здесь очень плохим то или это[,] и высказывают такие строгие суждения, употребляя сильные выражения[,] преступность, верх безобразия и т.д... Беда в том,

что эта худо устроенная жизнь соприкасается с теми, кто не выносит её. Но в Китае, Индии и наших среднеазиатских владениях туземные города и европейский город строго разделены. Здесь же китайское население угнездилось в центре города… Необходимо учитывать, что мы имеем дело с бедным населением, и мы не можем его разорить, особенно на окраинах» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 220—220 об.).

В работе СИК отчётливо проявилось отношение власти, образованного общества и в первую очередь медиков к рядовым обывателям и азиатским мигрантам, их убеждённость в необходимости «цивилизовывать» народ, стремление к просветительству, осознание своего долга в деле формирования среди населения навыков и привычки содержать в чистоте тело, жилища, дворы, улицы. С другой стороны, явным было патерналистское отношение и влияние народнических идей защиты прав бедного населения, осознание нищенского положения китайских мигрантов и стремление действовать на благо, стараясь не ухудшить их положения.

22 апреля председатель в очередной раз отметил ужасающее состояние большинства кварталов города и высказался за необходимость «разрядить» китайское население, выселяя из некоторых домов часть жильцов на окраины, а безнадёжно загрязнённые дома и кварталы совершенно «обезлюдить», удалив всё китайское население города на окраины или в барачные лагеря (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 230—230 об.). При этом Л.К. Артамонов старался не задеть достоинства китайского населения, выказывая уважение к ним: «Заканчивая сегодняшнее заседание, обращаюсь к г. Ли и китайским представителям в уверенности, что в среде вашей есть немало людей, которые понимают нас и примкнут добровольно к нашим мероприятиям. Китайцы [—] люди умные и давно уже живут жизнью самобытно культурною, а потому, если некоторые живут грязно, то лишь по незнанию или бедности; если им будет разъяснено, как следует жить, то они, надо полагать, устроятся так, как эти бедные водоносы, о которых говорилось в докладе. Мы просим, чтобы им было разъяснено, как опасно жить грязно, скученно…» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 231). В ответ Ли Тьяо заметил: «Весьма тронут вашим доверием ко мне… Я думаю, следует дать китайцам срок для полной очистки, а если они не сделают, выселить их в другие места и очистить прежние грязные квартиры; если же только просить и советовать, то не думаю, что будет успех! Очистку и все работы надо сделать за счёт домохозяев, потому что они получают очень большую плату с квартирантов-китайцев» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 231). На это П.Х. Хажинский заявил, что «советов об исправлении некому давать, нельзя добраться до ответственного лица. За исключением Дембы доселе не удалось разыскать домохозяев, но с известной степенью удовлетворения могу сказать, что Дембы начал работу во дворе, где находятся отвратительные конюшни ломовых извозчиков». Тогда председатель

предложил членам комиссии принять репрессивные меры, но предложение о выселении китайцев встретило возражения представителей города, поскольку, во-первых, оно затрагивало «имущественные интересы владельцев», во-вторых, в городе не было отведено места для выселения (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 231 об.).

В дальнейшем вопрос о выселении китайцев неоднократно обсуждался в течение мая, решение проблемы сначала упиралось в опасение нарушить имущественные интересы владельцев участков, нежелание СИК ставить в безвыходное положение бедных китайцев, затем проблемой стал поиск места для размещения большого числа китайских мигрантов, вслед за этим — нежелание китайцев переселяться на окраины и требование обеспечить их жильём, отсутствие подрядчиков, которые согласились бы выстроить дома, отвечавшие санитарным требованиям. Для переселения китайцев из центра предлагались участки ниже городской больницы, за Матросской слободкой, в Куперовской пади, за Гнилым углом на другом берегу залива Золотой Рог (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 267—273, 305—305 об.). К концу мая СИК испробовала все способы преодоления скученного проживания китайцев в центре города; 20 мая председатель пришёл к выводу, что решение проблемы невозможно без выселения избыточного населения и предложил избрать место для нового китайского посёлка. СИК выбрала для осмотра мест комиссию под председательством Н.М. Соловьёва, 24 мая он доложил о результатах оценки участков у Куперовской пади и на южном берегу б. Золотой Рог (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 275 об., 278—278 об.).

27 мая СИК избирала для инородческого посёлка место за Куперовской падью. Однако дело опять не сдвинулось с мёртвой точки, поскольку китайцы не желали переселяться на новое место, пока там подрядчиками не будут выстроены дома. Это желание Ли Тьяо озвучил 14 июня, а 17 июня подтвердил его. Подрядчик Поставский, сперва согласившийся построить дома, ознакомился в управе с планами и 17 июня заявил, что эти работы потребуют огромных затрат, которые вряд ли окупятся, и отказался. Он был согласен возводить только деревянные низкозатратные строения (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 280 об., 305—305 об., 308, 314—314 об.). В середине июня выяснилось, что военное ведомство, детально изучив план местности, отказалось выделить свою часть. 12 июля было решено, что под посёлок отводится только городской участок, который можно было разделить на 25 частей (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 314, 327). 28 июля 1904 г. городская дума постановила в случае выселения из города ломовых извозчиков отвести в указанной местности полосу земли 20—30 саж. шириной и 300 саж. длиной между полосой отчуждения железной дороги и участками военного ведомства для сооружения временных построек не далее как по 1 июля 1905 г., под постоянное поселение отвести западную часть городского

участка бесплатно на 10 лет с условием возведения казармы, конюшни и сарая при строгом следовании строительному проекту (Систематический сборник 1913: 677—678).

Однако проект не был реализован ввиду отсутствия желающих строить дома и небольшого срока, оставшегося до окончания строительного сезона. Истинную причину постоянного провала проектов выселения китайцев за городскую черту озвучил 20 мая 1904 г. Н.В. Ремезов: «Ничто не даёт таких больших доходов, как сдача домов под квартиры китайским рабочим. Вопрос о выселении за город давно обсуждается, но ему не дают ходу, потому что затрагивает карманные интересы тех, кому невыгодно это выселение; нужно определить только участок и подрядчики найдутся, а где банковки, там будет и четвёртая часть всех китайцев» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 275 об.).

ОСНОВНЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ УЛУЧШЕНИЯ САНИТАРНОГО СОСТОЯНИЯ ГОРОДА

15 мая 1904 г. и на следующих заседаниях врачи начали докладывать о сделанных или неисполненных домовладельцами исправлениях. В ходе обследований, обсуждения на заседаниях, повседневного мониторинга врачами своих участков проявилось несколько проблем, на которых надо остановиться специально.

Во-первых, после предъявленных врачами требований часть участков была приведена в «сносное положение», но некоторые домовладельцы и арендаторы проигнорировали предписания. 15 мая К. Деслер доложил, что его участок приведён в приемлемое санитарное состояние, его существенно почистили, благодаря «встреченной мною среди большинства китайцев-арендаторов и владельцев готовности и желанию следовать и выполнять сделанные им указания» устроены новые и отремонтированы старые выгреба, установлены мусорные ящики, дворы избавлены «от лишнего хлама, товаров, заборов и разгородок, препятствовавших проветриванию почвы и доступу света» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 262 об.). В нескольких случаях, по его словам, владельцы были «упорно неисполнительны»; это были участки Жарикова, Феклиной, Янлая и Чая: «Лица эти совершенно не реагировали ни на какие заявления, ни устные, ни письменные, и оставили свои участки в прежнем антисанитарном состоянии». Кроме того, не завершили работы Ван-пен-линъ, Ли-Ли-хао, Иванов, Михайлов, Тун-ли (казарма Бринера), арендаторы (харчевни) в доме Качана на Пекинской улице (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 263—264).

Во-вторых, расселение домов, где китайцы проживали особенно скученно, а также особо загрязнённых и ветхих привело к перераспределению жильцов по другим помещениям. Они уходили из закрытых

домов в новые и создавали в них прежнюю скученность. В начале июня китайцы начали массово покидать центральные кварталы и устремились в сторону доков и Гнилого угла, где селились также скученно и вызывали недовольство военного и морского ведомства. А.А. Волкенштейн привёл в пример выселение извозчиков с участка Дембри: «Доктор Хажинский рассказал, что Дембри уничтожил свои конюшни, но умолчал, что изгнанные от Дембри извозчики в количестве многих десятков гостеприимно приняты во двор Гольденштедта. Это двор недавно отстроенного дома, расположенного довольно низко — десятки лошадей поставлены под сооружённые наскоро конюшни, построенные настолько скверно, что и в этом дворе должно получиться такое же загрязнение почвы, как имеется у Дембри и Тауцелина» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 270).

В-третьих, самый высокий уровень антисанитарии в городской черте, кроме жилищ китайцев, отмечался во дворах извозчиков, на постоялых, скотных дворах (коровники, свинарники), в банях, спускавших сточные воды в овраги, городские канавы и пр. Первых СИК требовала переселить на окраины в первую очередь, но вышеприведённый пример демонстрирует, что с этим возникали большие трудности. Извозчики не желали жить там, чтобы избежать затрат времени на переезд к месту работы в центре города. Так, к 20 июля 1904 г. не были выведены ломовые извозчики из дворов Варягина, Филиппова, Поповой, Величко, конюшни в доме Ломана; все они располагались в центральной части города и места их проживания и содержания лошадей по-прежнему были переполнены навозом, мочой, издавая ужасное зловоние (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 342). На Миссионерской улице располагалась молочная ферма К.Г. Гольденштедта. По оценкам врача А.Г. Пинеса, помещения для продажи и хранения молочных продуктов содержались «педантично чисто, но двор, где под лёгким навесом в летние месяцы помещается свыше 30 штук коров, представляет собой участок земли, насквозь пропитанный коровьим калом и мочой. Уборка этого двора с помощью деревянных желобов и врытых в землю бочек крайне несовершенная, вдобавок скот прогоняется на пастбище по Миссионерской улице 2 раза в день, внося в неё излишнее загрязнение». А.Г. Пинес поставил перед членами комиссии вопрос, уместно ли вообще существование фермы в городе. Предложение о её переносе на окраину вызвало бурную дискуссию, многие боялись, что прекращение продажи молока с этой фермы может привести к повышению цен, и владельцу дали 7 дней для вывода скота за город на летнее время, а место потребовали очистить и обезвредить (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 296 об. — 298).

В-четвёртых, врачи отметили связь топографической специфики города и его санитарного состояния. А.А. Волкенштейн сообщал: «...почти сплошь во всех частях города и в особенности расположенных

на холмах: каждый домохозяин, живущий повыше, грязнит своего соседа пониже, причём часто происходят ожесточённые споры. Мне уже не раз приходилось разбираться в спорах, которые доходили до решения Окружного суда; тем не менее, дело в этом отношении мало улучшается вследствие отсутствия системы в проведении канав, которая является настоятельной необходимостью» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 228 об. — 229).

В-пятых, главным препятствием при очистке центральных кварталов была практика сдачи русскими владельцами своих домовладений в аренду китайцам, которые, кроме имевшихся на участке законно возведённых зданий (часто каменных), сооружали несогласованные строения без соблюдения требований строительного устава и пожарной безопасности и заселяли все эти дома с нарушением санитарных норм по содержанию воздуха и света на одного жильца. Арендаторы использовали их в качестве ночлежек, опиекурилен, банковок и имели высокие доходы, заявляя при этом, что снос нанесёт им серьёзный имущественный ущерб, а владельцы участков совершенно не пострадают, получив полностью оговорённую арендную плату.

УСТРОЙСТВО КИТАЙСКОЙ ЛЕЧЕБНИЦЫ

Второй важной проблемой, решение которой было направлено на предупреждение эпидемий, было устройство больниц для лечения заразных заболеваний и изоляции больных. На заседании 12 апреля 1904 г., куда были приглашены все иностранные коммерческие агенты, врачи и санитарные попечители, председатель поставил вопрос о необходимости в случае появления заразных болезней в городе немедленно изолировать больных, а также иметь больницы для городских жителей и отдельно для китайского и корейского населения (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 117 об.). Его поддержал Ли Тьяо: «Мысль об устройстве больницы для китайского населения мне симпатична и весьма важная, и она не новая и высказывалась мною давно и неоднократно[,] и даже при содействии присутствующего здесь доктора Браше была составлена докладная записка, к которой отнёсся очень сочувственно генерал Чичагов. Затруднение состоит в том, что китайцы не признают европейской медицины. Я тоже китаец[,] и я знаю, что европейская медицина выше китайской, но большую массу китайцев во Владивостоке составляют рабочие, народ тёмный, не доверяющий русским докторам, поэтому… я всё-таки хотел бы устроить китайскую больницу совсем по-китайски, с китайскими докторами, китайским столом и всей обстановкой, а русский доктор будет только наблюдать, чтобы всё было правильно, а для хозяйственной отчётности можно сделать как бы комитет из китайских и русских членов. У нас

среди китайского купечества было собрано 5 тысяч рублей, но этого мало. Без сомнения, если бы собрать деньги на больницу со всех проживающих во Владивостоке китайцев, то соберётся очень большая сумма, но как это сделать, не знаю, потому что город уже обложил китайцев больничным сбором. Я думаю, что китайцы в свою лечебницу пойдут охотно и мнение, что китайцы предпочитают, чтобы их больные умирали в домах и затем их выбрасывали в мешках[,] — есть недоразумение. В простом народе существует мнение, что похороны стоят очень дорого, 300—400 рублей, и потому для бедных недоступны. Насчёт устройства больницы скажу, что дом найти не трудно, китайские доктора есть, плохие доктора — но есть[,] русские врачи могут наблюдать, но самое главное, чтобы не стеснять. В городскую больницу поступают немногие, но масса не идёт, я покорнейше прошу, чтобы не стеснять» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 118). Председатель согласился с ним, заявив, что «...в Китае, несмотря на все усилия американских и английских миссионеров привлечь население в свои лечебницы, несмотря на все удобства и хороший уход, которые встречают там больные, китайцы не идут, потому что им кажется, что предпринимаемое там лечение вредно» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 118). Он предложил «в районе, где сосредоточены инородцы... устроить одну или две лечебницы в чисто китайском вкусе с их врачами и медициной... пусть всё устроят по-своему, а нам останется только наблюдать за санитарными мерами, не вмешиваясь во внутренний распорядок» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 118 об.). Н.И. Лосев же предложил агенту Ли взять на себя сборы с китайцев на китайскую лечебницу.

Однако предложение вызвало обоснованные возражения городского головы. В.А. Панов уведомил собравшихся, что вопрос уже обсуждался в городской думе и в Обществе врачей Южно-Уссурийского края и был отклонён, население уже обложено больничным сбором, и в вопросе помещения в городскую больницу не делается различий между русскими или китайцами. Он сказал: «И делать уступку, такую рискованную уступку в сторону китайской медицины считаю не имеющим оснований. Можно сделать отделение при нашей больнице. Пример мы уже имеем в холерных бараках, где рядом стоят японский, русский, китайский...; но лечение там должно быть в руках русских врачей» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 119). Председатель же увидел в его словах лишь нежелание терять доходы, собираемые с китайцев на городскую больницу. В.А. Панов уточнил, что дума отклонила вопрос, потому что, во-первых, всё население уже обложено сбором, и, во-вторых, потому, что считает китайскую медицину неудовлетворительной, японские врачи были допущены для оказания медицинской помощи японцам в городе, поскольку «изучают европейские методы лечения» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 119). Его поддержали член управы М.Н. Красовский и врач городской больницы П.В. Шеболдаев.

Инспектор врачебного отделения областного правления Я.П. Блонский также заявил, что не может «разрешить лечения китайскими способами; и в самом деле: как же разрешить вместо лечения отравление опиумом и другими ядами?». При этом он сказал, что если рассматривать эту лечебницу как место выявления заразных больных, и после этого переводить их в городское инфекционное отделение, то китайцы будут смотреть «на такое учреждение, как на ловушку» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 119 об. — 120).

Но большинство участников (Рончевский, Гомзяков, Браше, Стерлин, Полетика, Соловьёв, Егерман, Андреев и др.) посчитали возможным иметь китайскую лечебницу и следить в ней за заразными болезнями. Им возразил доктор А.И. Стежинский: «Китайцы не признают ни асептики, ни антисептики, и потому от обычных болезней пусть лечатся как угодно, а с инфекционными их необходимо помещать в инфекционное отделение русской больницы, ведь главная задача — оградить гарнизон от заразных болезней. Китайцы не представляют ничего особенного в плане отношения к медицине, и среди русского населения немало убегающих из больниц. Для выявления инфекционных больных необходимо делать обходы дворов и зданий» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 120 об.). Старший врач городской больницы П.С. Тенчинский предложил подготовить из среды китайцев фельдшеров, которые будут посредниками между врачами и китайским населением, и отметил, что при городской больнице необходимо отделение для китайцев с китайскими фельдшерами и прислугой, однако главной проблемой было отсутствие средств у города (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 120—120 об.).

Председатель пообещал доложить коменданту крепости о необходимости сборов с китайцев для организации лечебницы и добавил, что «если он согласится с докладом и подпишет его, то это станет законом для города»[9] (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 121 об. — 122). Присутствующие подавляющим большинством высказались за устройство самостоятельной инородческой лечебницы во Владивостоке по примеру больниц, организованных англичанами, американцами, а также Порт-Артурской лечебницы, устроенной с разрешения наместника на Дальнем Востоке (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 122). В результате предложение приняли единогласно, но, как только возник вопрос о средствах, мнения участников опять разделились. Городской голова дал справку о размерах больничного сбора и заявил, что городская больница никогда не отказывала в приёме китайцев. Его поддержал П.В. Шеболдаев, сказав, что в больнице постоянно находится на излечении около

[9] Председатель комиссии обратился с ходатайством к коменданту крепости, прося его в свою очередь обратиться к приамурскому генерал-губернатору (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 622. Л. 328—329). К сожалению, сохранился только недатированный черновик письма, и пока не выявлены свидетельства его рассмотрения, но, думается, результат был отрицательным.

трети китайцев и что «сейчас на 30 человек в моём отделении 10 китайцев» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 122 об.).

Председатель предложил китайскому коммерческому агенту озаботиться сбором средств вместе с русскими окраинными докторами в Матросской слободке, обсудить вопрос обустройства больницы, а также сообща выбрать дом на окраине города. Он предложил Ли узнать, не возьмёт ли на себя китайское население взнос на лечебницу как благотворительный, но последний сомневался, что удастся собрать достаточно средств, и предложил разделить существующий взнос с китайского населения на две части — 1 рубль на русскую и 1 на китайскую лечебницу (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 122 об.).

15 апреля Н.Н. Ким сообщил, что по заявлению депутатов от Корейской слободки, они не желают участвовать в устройстве проектируемой китайской лечебницы, поскольку «корейское население слободки состоит сплошь из русских подданных, эти корейцы давно уже пользуются услугами городской больницы, вполне довольны ею и со своими больными постоянно ходят туда» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 215—215 об.). Л.К. Артамонов заявил, что это только упрощает устройство инородческой лечебницы, которая будет только для китайцев, и что вопрос о приспособлении сводится к денежным средствам, и спросил городского голову, может ли город оборудовать холерный барак под китайскую лечебницу (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 215 об.). В ответ В.А. Панов сообщил, что у города на эти экстраординарные цели средств нет, при этом «при существующих условиях едва ли можно ожидать вторичного обложения на одну и ту же больничную надобность». Председатель попросил Панова составить мотивированную записку к генерал-губернатору с указанием, что налог предназначен на санитарные цели. Панов также заявил о невозможности собирать этот налог как на благотворительные цели: «Составители проекта имели в виду благотворительный сбор именно со спектаклей, думая обложить китайские театральные представления, но в России нет различия по национальностям[,] и со всех театров, в том числе и китайских, благотворительный сбор поступает в Ведомство Императрицы Марии и ни на что другое не может быть предназначен» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 216).

Доктор Я.П. Полетика высказал сомнение в платёжеспособности китайцев, однако Л.К. Артамонов настаивал, что зарплата китайских рабочих увеличилась, и у них должен быть выбор — идти в китайскую или городскую больницу (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 216 об.). В ответ большинство членов СИК поспешили разуверить его, сообщив, что рабочие получают по-прежнему мало. Китайский коммерческий агент заявил, что это он просил, чтобы суточная плата составляла 90 коп., тогда как можно было назначить 1 рубль: «…я рассчитывал, что плата рабочему поднимется с 30 до 50 коп., но говорят, что подрядчик по-прежнему даёт только 30 коп.» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 216 об.).

Полковник Э.Г. Егерман подтвердил, что в регионе это обычная практика: «Цена[,] получаемая рабочими[,] всегда держится здесь 30 коп., цены[,] получаемые подрядчиками[,] бывают и выше, и ниже, а рабочие всегда получают 30 коп.». Н.М. Соловьёв предложил брать с подрядчика паспортный сбор 5 руб. с каждого рабочего и отделить от него 1 рубль на больницу; А.Д. Рончевский — ходатайствовать перед генерал-губернатором выделить средства из накопившегося паспортного сбора. Но председатель указал, что «паспортный сбор имеет своё назначение, и мы не можем обращать его на другие цели» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 217).

В середине мая возникла угроза проникновения во Владивосток эпидемий из сопредельных азиатских стран. 15 мая Л.К. Артамонов объявил, что в японской армии появилась «повальная заболеваемость, возможно даже чума, а в Маньчжурской армии опасения заноса эпидемии вызвали весьма энергичные мероприятия в форме обширной организации санитарных отрядов» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 260). Учитывая огромный приток рабочих из Кореи, по поручению коменданта он поставил на рассмотрение комиссии вопрос о необходимости осмотра прибывающих во Владивосток с целью своевременного обнаружения больных. Участники заседания ознакомили председателя с мерами, которые принимались во время предшествовавших эпидемий чумы и холеры: «по берегу расставлялись нижние чины портовой полиции для осмотра шаланд»; подобные же оградительные меры принимались на железной дороге в соответствии с существующими постановлениями; брандвахты производили частые осмотры судов, идущих во Владивосток, по берегу у лесопилки Кларксона и около кабеля Датского телеграфа ставились нижние чины портовой полиции.

На предложение В.А. Панова восстановить карантинный пункт в б. Улисс, который был специально устроен как обсервационный в чумное время, Э.Г. Егерман ответил, что это невозможно, поскольку «место расположено на самом расстреле». Председатель согласился, что по условиям обороны это место надо признать несуществующим, и предложил устроить карантин на одном из островов или на берегу Амурского залива, например на п-ове Песчаном. Панов напомнил участникам о трудностях выбора места в городе для карантина и холерного кладбища, железнодорожное ведомство не соглашалось на такое соседство с его землёй, потому придётся выбрать место на о. Русском или на другом берегу Амурского залива. Однако председатель СИК заявил о невозможности разместить карантин или кладбище на о. Русском, где теперь размещено огромное количество войск. Э.Г. Егерман сообщил, что перевозка больных на другой берег Амурского залива «практически не осуществима — мы здоровых не можем перевозить достаточно быстро», и предложил временно устроить плавучий карантин на особой шаланде рядом с берегом, но Панов возразил, что шаланду разобьёт волнением

(РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 260—260 об.). СИК постановила ходатайствовать перед МВД «о восстановлении карантинного врача и карантинной брандвахты», рассмотрение её ходатайства в инстанциях затянулось, и в середине июля, несмотря на усилившийся приток корейцев морем, осмотр шаланд не производился (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 316—317, 324). Больница для китайцев также не была создана.

ПРОБЛЕМА ВОДОСНАБЖЕНИЯ ГОРОДА И КАЧЕСТВА ПИТЬЕВОЙ ВОДЫ

Проблема водоснабжения была обычной для Владивостока из-за отсутствия в городской черте полноводных источников пресной воды, наличия скалистого грунта, низкого залегания водоносных пластов и малого количества колодцев. Положение осложнялось в годы, когда сухие лето и осень сопровождались бесснежными зимами, это приводило к катастрофам — острой нехватке воды в городе. Самым рациональным способом решения проблемы было устройство водопровода, однако все проекты в имперское время остались нереализованными (Позняк 2008: 108—109).

СИК обсуждала эту проблему 24, 29 апреля и 27 мая. Врачами в ходе обследования участков были собраны сведения о количестве колодцев и качестве воды в них. 24 апреля они засвидетельствовали «неудовлетворительность воды» в большей части колодцев. Обеспеченность водой в разных частях города отличалась: несколько лучше была на Тигровой и Светланской улицах, плохая — в районе современной остановки транспорта «Гайдамак»; в лучшем состоянии были частные колодцы, и в первую очередь артезианские, хуже было состояние городских, а в самом худшем — множество ничейных. По данным доктора Попова, лишь в некоторых частных колодцах было достаточно воды неплохого качества (Циммермана, Суворова, Гвоздиевского, Фёдорова, Поставского, Чурина, Кунста и Альберса, Жарикова, Подъяпольского, Хитрово и др.). Он описал своеобразные ухищрения, на которые приходилось идти обывателям города, чтобы восполнить недостаток воды: «У домовладельца Золотухина я видел очень интересное приспособление: дождевая вода с крыши идёт по трубам[,] и когда 1-я вода, смывшая грязь с крыши, сойдёт, следующая направляется в резервуар, который Золотухин называет „шестернёй“, вмещающий в себе 3—4 тыс. вёдер, которых хватает хозяину на весь период бездождия». Негативно на качестве воды сказывалось состояние срубов и общего неблагоустройства колодцев, а также поведение китайцев-водоносов, которые становились ногами на срубы, и грязь с обуви попадала в воду, опускали в колодцы грязные вёдра, а также «в нетерпении добыть воду, во время мелководья медленно поступающую через насосы, сплошь и рядом ломают будки

и помпы и черпают вёдрами со дна мутную воду, как только её наберётся настолько, что можно почерпнуть» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 245 об. — 246).

24 апреля председатель предложил пригласить на заседание предпринимателей М.И. Суворова и А.В. Гвоздиевского, занимавшихся бурением колодцев, и городу немедленно приступать к устройству артезианских скважин. Он привёл пример буровых колодцев на фортах Суворова и Муравьёва-Амурского, где получили «воду хорошего качества, несмотря на высокое положение этих мест» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 243). Возражения представителей городского самоуправления вызвали предложение председателя и военных потребовать открытия частных колодцев для пользования всех горожан. Основными аргументами против были такие: после открытия качество воды в частных колодцах станет таким же плохим, как в общественных; соседям частные владельцы и так разрешают пользоваться своими колодцами; принудительное открытие колодцев противоречит российскому законодательству и является нарушением права собственности (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 245 об.).

29 апреля Л.К. Артамонов описал ситуацию в крепости, с которой ему пришлось столкнуться по приезде во Владивосток: «Вероятно, комиссии неизвестно, какую нужду испытывал гарнизон в прошлую зиму. Была образована в штабе крепости особая комиссия для уменьшения потребления воды. Даже хлебопечение велось на солёной воде, питьевая вода выдавалась почти мерою, приставлены были к колодцам часовые[,] и, несмотря на всё, мы очень бедствовали. Гарнизон увеличился быстро, открываются новые госпитали, предъявляющие большие требования на воду, теперь пока воды достаточно, но[,] когда колодцы иссякнут, мы окажемся снова в бедственном положении. Таким образом, открытие новых колодцев имеет первостепенное значение; у нас есть время подготовиться ко всяким случайностям» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 248—248 об.). Он спросил приглашённых специалистов, где во Владивостоке можно добыть наилучшую воду. Инженер-архитектор А.В. Гвоздиевский ответил, что такой воды во Владивостоке нет, он ещё в 1899 г. предлагал городской думе свой проект обеспечения города буровой водой. Председатель зачитал проект, рассчитанный на 3—4 года, и решение думы и потребовал устранить проблему в кратчайший срок. Гвоздиевский предложил вырыть 10 колодцев, которые могли дать 4—5 тыс. вёдер воды в сутки, одновременно приступить к работам по 4 колодцам; стоимость колодцев должна была составить от 2,5 до 3,5 тыс. руб.; он также просил предоставить ему право определить место рытья по своему усмотрению, «так как местонахождение его секрет, а работу можно начать сейчас» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 249).

Главным камнем преткновения стало финансирование и успешность усилий по улучшению водоснабжения: во-первых, у города

не было средств на масштабные работы по бурению, во-вторых, представители городского самоуправления сомневались в качестве и количестве воды, которую могли дать предложенные колодцы, и в том, что конечная стоимость останется такой, как было заявлено, в-третьих, выразили опасение, что артезианские колодцы при их дороговизне могут дать негодную для питья минеральную воду. Городской голова заявил: «Единственный вполне надёжный способ решения вопроса о нашем водоснабжении стоит в сооружении водопровода, стоимость которого исчисляется в 1½ миллиона рублей. И когда обсуждали этот вопрос в Петербурге люди, которые основательно вдумывались в обстоятельство, то ими было категорически высказано, что ввиду государственного значения Владивостока, водопровод здесь должен привлечь к себе государственное внимание и материальную помощь. Лично я всегда стоял за то, что здешний водопровод всецело должен быть государственным предприятием, и в таком именно смысле возбуждено было последнее думское ходатайство. Правильный выход из настоящего постановления состоит в том, чтобы, пользуясь заявлением врачей о недостатке и недоброкачественности наличной воды, ходатайствовать, чтобы государство соорудило водопровод для крепости, порта и железной дороги. Добавить к этому следует, что город вначале обращался к другим ведомствам с предложением совместными силами устроить водопровод, но те не соглашались, и этим дело затянулось. А между тем в конце концов железная дорога и Морское ведомство отделились и построили свои частные маленькие водопроводы. Значит[,] городу теперь пришлось бы строить отдельный третий водопровод при двух уже существующих специальных. Кроме того, как только будет готов водопровод, город будет обязан давать войску по 2 ведра на каждого солдата бесплатно. Кем же тогда будет оплачиваться эксплуатация водопровода, когда почти ¾ потребителей отпадают заранее? А на эксплуатацию потребуется 40 тыс. ежегодно и до 60 тыс. на погашение капитала, итого на город упадёт 100 тыс. рублей тяготы. Не подлежит сомнению, что именно теперь своевременно, по самой наглядности положения, вновь подчеркнуть мысль о государственном водопроводе для крепости с участием города в соответствующей доле. А пока, конечно, и несколько буровых колодцев могут сослужить временную службу» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 244—244 об.).

В итоге председатель СИК предложил просить городскую думу на экстренном заседании принять решение о реализации проекта Гвоздиевского, а также предоставить заимообразно субсидию тем обывателям, которые своими силами возьмутся рыть колодцы (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 249—249 об.). Однако вопрос буровых колодцев не был решён и к концу мая, когда возникла угроза тифа в войсках крепости. 27 мая врачи в очередной раз заявили об ужасающем состоянии колодцев и воды в них. На вопрос Л.К. Артамонова: «Что сделано

хозяйственной комиссией по вопросу о воде?», городской голова заявил, что городская дума ещё не рассматривала вопрос о буровых колодцах, так как никаких определённых предложений не поступало, и он ещё не сделал доклада думе, но главной причиной было отсутствие средств на эти цели (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 283).

Председатель был взбешён игнорированием городским головой постановления СИК из журнала № 8 от 24 апреля 1904 г. и его личных указаний: «Но имеется уже тиф, я должен убирать войска с Первой речки. Месяц прошёл со времени нашего постановления, и он пропал даром, ничего не сделано, а если придут японцы, то мы будем пить ту жижу, о которой сообщали сегодня санитарный попечитель и доктор». В.А. Панов возражал, что врачи общественными колодцами называют какие-то «ямы, мы же называем общественными колодцами те, которые оборудованы, чистятся и содержат доброкачественную воду». На что Л.К. Артамонов заметил: «Общественными колодцами надо считать все те колодцы, которые находятся на городской земле и из которых население города берёт воду. Вопрос этот был уже нами долго и подробно обсуждаем, постановлено решение, утверждённое Комендантом крепости. Управа в течение целого месяца ничего не сделала для исполнения этого решения, и мы вынуждены будем оштрафовать управу». В.А. Панов возразил, что управа официальное учреждение и никаким штрафам комиссии подвергаться не может (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 283 об.).

В.А. Панов и член управы В.Е. Филипченко настаивали, что колодцы, находящиеся в ведении управы, каковых в городе 17, исправны и часто чистятся (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 283 об.). Председатель попросил внести в протокол следующее: «СИК предлагает Городской управе в семидневный срок все колодцы, признанные гг. врачами вредными, закрыть, остальные колодцы оборудовать… и безотлагательно приступить в думе к обсуждению вопроса и заключению условий добывания артезианской воды» (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 284). Но городской голова настаивал на отсутствии средств на исправление всех колодцев и на предложение председателя взять заём или использовать средства запасного капитала ответил, что последние предназначены на специальные цели и тратить их на экстренные нужды город не может. Кроме того, городу до сих пор казна не вернула 60 тыс. руб., затраченных на борьбу с холерой в 1902 г. В результате Филипченко и Панов демонстративно удалились из зала заседания (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 360. Л. 286). В начале июня город по мере возможности начал очищать колодцы в разных частях города, однако к бурению артезианских скважин так и не приступил.

Заседания СИК прекратились с отъездом из Владивостока её председателя Л.К. Артамонова и возобновились только с назначением нового в конце декабря 1904 г. — им стал полковник И.А. Ющенков (РГИА ДВ.

Ф. 3. Оп. 1. Д. 415. Л. 31 об.). Осенью 1904 — зимой 1904/1905 г. санитарный врач констатировал прежнее антисанитарное состояние города (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 415. Л. 2—2 об., 5—5 об., 20—21 об., 30—31 об.). 5 марта 1905 г. военный губернатор Приморской области распорядился городским и уездным СИК принять меры по улучшению санитарного состояния городов и уездов, и последние вновь начали обсуждать всё те же проблемы и с тем же успехом (РГИА ДВ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 415. 226 л.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С началом Русско-японской войны и усилением гарнизона крепости перед военными и гражданскими властями встала задача не допустить эпидемий среди войск и гражданского населения. Для её решения в крепости Владивосток по приказу коменданта была создана санитарно-исполнительная комиссия. В неё вошли представители военного командования крепости, флота, порта, врачи — военные (морские и сухопутные) и гражданские, представители городского самоуправления и разных ведомств. Благодаря неплохой сохранности и — главное — детальным протоколам заседаний СИК, составленным секретарём комиссии, городским санитарным врачом А.А. Волкенштейном, исследователи имеют тексты протоколов многочисленных заседаний, в ходе которых власть и общество вырабатывали меры по улучшению санитарной обстановки в одном из дальневосточных городов. Они являются уникальным источником информации о состоянии благоустройства города и его окраин в начале XX в.

Основные проблемы, на которых сосредоточилось внимание комиссии, стали антисанитарное состояние города, и в первую очередь центральных кварталов, населённых азиатскими мигрантами, включая состояние торгово-промышленных предприятий города и свалки нечистот; открытие специальной лечебницы для китайцев; нехватка и плохое качество питьевой войны; борьба с венерическими болезнями и воссоздание врачебно-санитарного надзора за проституцией. Обсуждение их вызывало бурные дискуссии, мнения участников часто не совпадали, основное противостояние наблюдалось между двумя группами: в первую входили председатель, представители разных ведомств и врачи, во вторую — их оппоненты, представители городского общественного управления. Они указывали на невозможность осуществления большинства мероприятий по причине их несоответствия законам и дефицита городского бюджета.

С началом войны количество медицинского персонала в крепости резко увеличилось — это были врачи судов эскадры, стрелковых и артиллерийских батальонов, госпиталей военных и Красного Креста. Кроме работавших в городе до войны медиков морского госпиталя,

городской больницы, городового и городского санитарного врачей, высадился целый «десант» медицинских сил, прибывших из европейской части Российской империи и до сего времени не сталкивавшихся с реалиями повседневной жизни азиатских мигрантов, численность которых и до войны была огромной, а с расширением работ по укреплению крепости она ещё выросла, несмотря на некоторый отток китайцев и корейцев из региона сразу после начала войны. Приезжие врачи пришли в ужас от условий жизни и быта азиатских мигрантов и требовали немедленных улучшений. Их желание и стремление «цивилизовать» китайцев и местных обывателей столкнулись с жестокими реалиями — привычками и нищенским образом жизни азиатских мигрантов, тихим сопротивлением домовладельцев и арендаторов, не желавших терять доходы от выгодного бизнеса сдачи жилья внаём и вкладывать средства в улучшение условий жизни в своих домовладениях.

С таким же трудом решались проблемы улучшения водоснабжения и состояния свалки нечистот, расширение ассенизационного обоза. Фактически решение большинства проблем обошлось паллиативными мерами — небольшим расширением обоза, очисткой и исправлением колодцев, расширением поливки улиц, муниципализацией очистки не только западной, но и восточной части города, закупкой барж и организацией для слива нечистот на баржи нового места — Гайдамакской пристани. Благодаря усилиям врачей городские обыватели произвели очистку дворовых участков и улиц, хотя не все владельцы участков откликнулись на призывы врачей и оставались загрязнённые места. Главной причиной невозможности кардинально решить многие проблемы была нехватка средств городского бюджета и отказ военного командования вкладывать собственные финансы в улучшение санитарного состояния города. Дефицит городского бюджета, несоответствие многих предложенных мер Городовому положению и непомерные требования к органам городского самоуправления вызывали сопротивление его представителей и взаимонепонимание с представителями военного и других ведомств. Особенно острым вопросом стало создание «инородческого посёлка»: военное ведомство в очередной раз отказало в выделении своего участка земли, городской был мал, но главное — не нашлось подрядчиков, которые согласились бы выстроить отвечавшие санитарным нормам дома для поселения азиатских мигрантов, не имевших ни средств, ни желания строить для себя дома.

В дискуссиях и постановлениях СИК отчётливо проявилось отношение власти и образованного общества к рядовым обывателям и азиатским мигрантам, убеждённость в необходимости «цивилизовывать» их, осознание своего долга в деле формирования у населения навыков и привычки содержать в чистоте тело, жилище, двор, улицу. С другой стороны, в них же отразилось патерналистское отношение общества и власти к народу, влияние народнических идей защиты прав бедных

и обездоленных, осознание нищенского положения китайских мигрантов и стремление действовать на благо, стараясь не ухудшить их положения. Благие намерения власти и врачей натыкались на жестокую реальность — незаинтересованность обывателя в очистке своих домовладений, нехватку средств в городском бюджете, нежелание органов городского самоуправления вкладывать запасные капиталы в благоустройство города, поскольку по глубокому убеждению представителей самоуправления и в соответствии с законом очищать дворы и улицы обязан был обыватель. Это нежелание подкреплялось и обидой городского самоуправления на региональную администрацию и правительство, которые не компенсировали расходы города на борьбу с холерной эпидемией 1902 г., несмотря на многочисленные ходатайства (Позняк 2026).

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ / REFERENCES AND SOURCES

Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. 2013. *Владивостокская крепость.* Ч. 1. 1860—1905 гг. Владивосток: Дальнаука.

Avilov R.S., Ayushin N.B., Kalinin V.I. 2013. *Vladivostok Fortress.* Part 1. 1860—1905. Vladivostok, Dal'nauka Publ. (In Russ.)

История 1991: *История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.).* М.: Наука.

History of the Soviet Far East in the Era of Feudalism and Capitalism (17th Century — February 1917). Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

Кобзарь В.П. 2019. Эпидемия холеры в Приамурье и Маньчжурии в 1902 году. *Амурский медицинский журнал*, № 4 (28): 90—93.

Kobzar V.P. 2019. Cholera Epidemic in the Amur Region and Manchuria in 1902. *Amurskiy meditsinskiy zhurnal*, No 4 (28): 90—93. (In Russ.)

Ланкина Ю.С. 2012. Санитарно-гигиеническое состояние городов юга Дальнего Востока России как элемент повседневной жизни обывателей в конце XIX — начале XX вв. *Власть и управление на Востоке России*, № 4 (61): 77—84.

Lankina Yu.S. 2012. The Sanitary and Hygienic Condition of Cities in the South of the Russian Far East as an Element of Everyday Life of Ordinary People in the Late 19th — Early 20th Centuries. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii*, No 4 (61): 77—84. (In Russ.)

Нагорных О.С., Шок Н.П. 2024. Эпидемия холеры на приграничных территориях Дальнего Востока в начале XX в. *Новейшая история России*, т. 14, № 1: 144—159.

Nagornykh O.S., Shok N.P. 2024. The Cholera Epidemic in the Border Territories of the Far East in the Early 20th Century. *Noveyshaya istoriya Rossii*, vol. 14, No 1: 144—159. (In Russ.)

Памятная книжка 1905: *Памятная книжка Приморской области на 1905 год*. Владивосток: Типография Приморского областного правления.

Commemorative Book of the Primorsky Region for 1905. Vladivostok, Tipografiya Primorskogo oblastnogo pravleniya Publ. (In Russ.)

Позняк Т.З. 2008. Жильё и быт горожан на дальневосточной окраине (вторая половина XIX — начало XX в.). *Известия Алтайского государственного университета, серия «История. Политология»*, № 4/1: 103—111.

Poznyak T.Z. 2008. Housing and Life of Townspeople on the Far Eastern Outskirts (Second Half of the 19th — Early 20th Centuries). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya "Istoriya. Politologiya"*, No 4 (1): 103—111. (In Russ.)

Позняк Т.З. 2026. Санитарно-эпидемиологическая обстановка и борьба с антисанитарией в г. Владивосток в последней четверти XIX — начале XX в. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, т. 17, № 1 (159).

Poznyak T.Z. 2026. The Sanitary and Epidemiological Situation and the Fight Against Unsanitary Conditions in Vladivostok in the Last Quarter of the 19th — Early 20th Centuries. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*, vol. 17, No 1 (159). Available at: https://history.jes.su/s207987840037897-5-1/. (In Russ.)

Ратманов П.Э. 2008. Эпидемия холеры в Маньчжурии в 1902 г. *Дальневосточный журнал инфекционной патологии*, № 12: 156—159.

Ratmanov P.E. 2008. The Cholera Epidemic in Manchuria in 1902. *Dal'nevostochnyy zhurnal infektsionnoy patologii*, No 12: 156—159. (In Russ.)

Ратманов П.Э. 2022. Эпидемии на российском дальневосточном пограничье в конце XIX — начале XX вв. *Историко-биологические исследования*, т. 14, № 4: 79—92.

Ratmanov P.E. 2022. Epidemics on the Russian Far Eastern Borderland at the End of the 19th — Beginning of the 20th Centuries. *Istoriko-biologicheskiye issledovaniya*, vol. 14, No 4: 79—92. (In Russ.)

Систематический сборник 1913: *Систематический сборник постановлений Владивостокской городской думы за 1901—1912 гг.* Владивосток.

Systematic Collection of Resolutions of the Vladivostok City Duma for 1901—1912. Vladivostok. (In Russ.)

Собрание 1892: *Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате*. СПб., № 76.

Collection of Government Legislation and Orders, Published under the Governing Senate. Saint Petersburg, No 76. (In Russ.)

Щербина П.А. 2010. Санитарное состояние городов Дальнего Востока России начала XX в. в контексте заселения и освоения территории. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*, № 2: 37—42.

Shcherbina P.A. 2010. Sanitary Condition of Cities in the Russian Far East at the Beginning of the 20th Century in the Context of Settlement and Development of the Territory. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, No 2: 37—42. (In Russ.)

Щербина П.А. 2011. *Условия жизни населения в городах Дальнего Востока России в конце XIX — начале XX в.*: дис. … канд. ист. наук. Владивосток.

Shcherbina P.A. 2011. *Living Conditions of the Population in the Cities of the Russian Far East at the End of the 19th — Beginning of the 20th Centuries*: PhD in hist. sci. diss. Vladivostok. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 29.04.2026